

II

Гитлер стал, сделался рейхсканцлером, а доктор Геббельс — министром народного просвещения и пропаганды. Изменчивые нравы и обычаи этого, третьего рейха доходят до меня в виде необычайного приглашения. Однажды мама телефонирует мне в ателье, что в министерстве пропаганды ожидают меня после полудня на прием к господину министру. Фюрер и рейхсканцлер придут тоже.

Мама, во всем дама "старой школы", возмущена:

— Что за манера приглашать даму по телефону утром на после полудня?

... Мне описывают д-ра Геббельса как человека, покорившего Берлин своим высоким интеллектом, как горячего пропагандиста. Невоспитанные берлинцы острят, что он спал не в своей постели, а на раскладушке.

Но сейчас он рейхсминистр народного образования и пропаганды и его "фюрер" — Адольф Гитлер, "как говорят" ненадолго. В этой исковерканной республике без республиканцев национал-консервативные круги принимают Гитлера как "барабанщика" против выросшей коммунистической заразы. Когда он достаточно "побарабанит", он будет опять отозван, "так говорят"...

Я свободна с 17 часов. Вечером у меня спектакль. Значит, с "государственным приглашением" дело уладилось само собой — предполагаю я, и пока можно успеть привести себя в порядок, переодеться, на что уйдет самое меньшее час, и тогда...

Дальше в моих предположениях я не иду. Когда я выхожу из ателье, подкатывает маленький авто, быстро забирает меня и везет, как я есть, в уличном костюме — на Вильгельмштрассе. Дорогой я успеваю только воткнуть розу в петлицу, чтобы не совсем "голой" явиться на этот "государственный чай". В министерстве меня представляют сначала frau Магде Геббельс. Она спрашивает меня мягко, но с укором:

— Так поздно, frau Чехова?

— Я прямо с работы, frau Геббельс, кроме того, меня пригласили только сегодня утром по телефону.

Frau Геббельс не показывает вида, что поняла намерение. Перед комнатой, в которой будет сервирован чай, стоит Гитлер в штатском. Он тотчас же начинает разговор о моем фильме "Горящая граница", который только что вышел на экран. Я играю польскую революционерку. Гитлер "осыпает" меня комплиментами.

Мое первое впечатление: робкий, неловкий, неуклюжий, тем не менее развязно говорит дамам австрийские любезности. Ничего "демонического", чарующего, значительного, динамичного. Такое же впечатление он производит на всех, кто встречается с ним в тесном кругу. И удивительно, как непостижимо, неуловимо происходит трансформация этой вялой, скужающей личности в фантастическо-возбужденного вождя, предводителя, когда он выступает "перед массами". Здесь захватывает он тысячи, а позже миллионы — кто будет это оспаривать!

... Гитлер тиснет старается быть "шарман", Геббельс таков всегда. Как многие высокопоставленные лица, он сыплет остроумия, бегло обзвоняет всех. Этот, по натуре не признающий препятствий, маленький человек, министр, собирающий "вокруг себя" художников, испытывает огромное наслаждение, причина кому-нибудь зло.

Известный Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер напоминает мне маленького чиновника на пенсии. У него простоватое лицо, и он довольно молчалив. На следующем приеме мне удается его шокировать. Я появилась сильно декольтированная. От удивления он стоит как истукан.

— Когда женщина показывает так много тела, он становится безумным, — сказал мне некто, кто хорошо его знает. — "Это ему подходит", — думаю я сейчас и начинаю с ним кокетничать. Мой уличный костюм он находит восхитительно-шикарным. Вокруг ведутся бессмысленные, скучные разговоры. Гитлер хвастается своими талантами. Акварели, эскизы и рисунки принесены для нашего обозрения, но ничего из них не удержалось в моей памяти. Вскоре я прощаюсь и еду в театр.

Следующее "приглашение" не только необыкновенно, но и трагично.

Мы, знаменитые коллеги и я, сидим после спектакля в задней комнате "партийного погребка". Партийные бездарности "председательствуют", одетые в форму СА и СС. Они расположились со всеми удобствами. Перед ними лежат португез и кобур

с пистолетами. Битый час они читают наставления о наших художественных обязанностях в третьем рейхе, а затем начинаются бешеные нападки на иностранцев и наших коллег еврейского происхождения.

Когда один из них обрушивается на Фрица Массари — некоронованную королеву Метрополь-театра — встает Фриц Одемар, от нашего имени протестует против этой выходки и предлагает нам покинуть собрание, что мы и делаем.

Очень скоро я чувствую на себе месть этих "лающих дворяншек". Их могущество распространяется дальше, чем это теперь кажется. Роли, на которые я была приглашена, передаются, распределяются другим актрисам, разумеется, всегда с "великим сожалением" и беспомощным пожатием плечами.

Так проходит год. У меня нет никаких особенных сбережений, на которые я с моей семьей могла бы прожить продолжительное время. Поэтому я продаю мое авто, отпускаю шофера и учусь, наконец, езде на

велосипеде... Прежде всего мне приходится в голову уехать за границу. Но это совсем не просто и не безопасно. Таким образом, не остается ничего иного, как "загнать" один из моих ковров.

Но вдруг объявляется Альфред Хичкок из Лондона, и я приглашена играть в криминальном фильме "Мэри". Ковер спасен... Я возвращаюсь в Германию. Я не знаю, кто позаботится о том, чтобы я могла опять играть. Может быть, тут сыграл роль положительный резонанс в международной прессе, позволивший пригласить меня опять как "немецкую актрису, поднявшую на высоту искусство Германии". Во всяком случае, я была приглашена. Больше того: я стала "Государственной актрисой".

Однажды в воскресенье к нам звонят два господина, просят извинить за беспокойство, представляют как сотрудники министерства пропаганды и торжественно читают грамоту: за мои "заслуги в кино и в театре" я получаю звание Государственной актрисы.

Я благодарю "за цветы", которых у них нет, и торжественно выражаю уверенность, что и другие актеры удостоены этой чести. На самом деле это назначение наполовину бесполезно. Оно не дает ни денег, ни ренты, а, напротив, приносит неудобства. Я испытываю досаду. Я езжу на иностранном подержанном авто, но государственная актриса не имеет права пользоваться чем-нибудь "иностранным" — доводится до моего сведения.

— Это нежелательно! — изрекает министр Геббельс через своих сотрудников. — Сейчас все должно быть только немецкое...

Через этих же людей я передаю министру, что для покупки, к примеру, "мерседеса" у меня нет денег, но, конечно, в качестве подарка от государства я не возражаю против какого-нибудь приличного немецкого авто. Геббельс чувствует мою иронию.

— Государственные машины для государственных актрис не предусмотрены, — слышу я в третий раз. И автомата на этом исчерпана.

... Политически Берлин сильно изменил свой облик: маршировка коричневых колонн и море флагов со свастикой часто нарушают покой города. Национал-социалистическая идеология не подходит ни где и никому, так же не подходит она кино и театру. Но тем не менее Берлин по-прежнему остается Меккой для артистов и художников и к досаде министра народного просвещения и пропаганды актеры остаются закоренными неисправными индивидуалистами. Например, Густав Грюнтене. Я когда-то играла с ним "Флирт" по Шницлеру под режиссурой Макса Офуля. Тогда он не нравился мне ни как художник, ни как человек и не было между нами той сердечной дружбы и товарищества, какое у меня всегда бывало с другими коллегами. Но теперь — "в третьем рейхе" он заслуживает моего — и не только моего — уважения.

Как генерал-интендант он держится в стороне от Прусского Государственного театра Геббельса и всех национал-социалистов политиканст-

вующих учреждений. Как режиссер и актер он создает большой показательный театр и личным примером вдохновляет ежедневно всех своим мужеством и дипломатической ловкостью. Чтобы удовлетворить художественные запросы, освободить театральный план и поддержать политически опасных коллег, он "заключает союз с рейхсмаршалом" и прусским министром-президентом Герингом.

Геринг женат на бывшей актрисе Государственного театра Эмми Зоннеман. Чтобы показательный театр остался "островом искусства и культуры" "Государственный советник" Грюнденс дает понять ей, жене прусского министра-президента, что он — единственный покровитель этого театра, что только одно его слово может спасти театр.

Геринг очень любит выступать в роли покровителя и пользуется для этого каждым поводом. Геббельс, которого он терпеть не может, доказывает, что театр не нужен. Геринг принимает во внимание "неарийских актеров и их жен".

Актриса О. Чехова родилась на излете XIX века. Ее отец был министром путей сообщения. Она общалась с детьми царя, видела демоническую фигуру Распутина. Училась у Станиславского. В юности перенесла неудачный брак со знаменитым Михаилом Чеховым. В 1920 году уезжает в Германию, где началась ее блестящая карьера. После войны создает известную косметическую фабрику.



— Если это еврей — я полагаю... Конечно, Грюнденс знает, что Геринг не имеет понятия об искусстве и оставляет его в роли запитника и покровителя театра. Он знает его показное лицо, знает, что за внешней жизнерадостностью, которая делает его популярным, скрывается жестокий цинизм, что он годами учинял еврейские погромы, сотнями губил политических противников. И все-таки Грюнденс идет на "союз" с Герингом, чтобы спасти театр и ансамбль актеров, и смело в год совершает это опасное путешествие над пропастью.

Между другими индивидуалистами была и остается Адель Зандрок. Адель, так мы все с большим уважением называли ее, для обыкновенного кинопредпринимателя просто "комическая старуха немецкого фильма". Она не перестает сожалеть об этом. Когда-то красивая женщина, блестящая светская дама одним из них. Я не пощадила даже паря, верь мне, но, к сожалению, к сожалению, он был уже болен тогда...

Вообще — мужчины! Все они трусы, моя милая Мышка, все... ну, допустим, почти все! Я могу понять, что ты никогда снова не выйдешь замуж! Ты знаешь, что Артур Шницлер был моей великой любовью?.. Я медлю с ответом.

— Знаешь ты это или не знаешь? — спрашивает она, слегка строго угрожающе.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Ну, — ликует она, — он был моей великой любовью! Но не спрашивай, сколько усилий я потратила, чтобы привлечь его. Сначала я, как подобает приличной даме, ждала его признания в любви. Я давала ему для этого множество возможностей: в театре, после театра, но он всегда избегал тет-а-тет. Потом я узнала, что он очень любит устрицы. Тогда я пригласила его к себе, поставила на стол несколько дюжин устриц и много шампанского. Мы пировали, Мышка, пировали устрицами и шампанским...

И я флиртовала в нескольких сантиметрах от границы, которая требует приличия. Часы в гостиной прозвонили, прозвонили опять, прозвонили еще раз. И что ты думаешь произошло тогда?

— Я думаю, что тогда... господин Шницлер...

— Брунда, господин Шницлер, — перебивает меня Адель и сердито бросает:

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.

— Не знаю, — говорю я правдиво и послушно.